

Блеклый Закат

Конюшенко Егор

Егор Конюшенко

Блеклый Закат

«Автор»

2026

Конюшенко Е.

Блеклый Закат / Е. Конюшенко — «Автор», 2026

Старый учитель словесности получает бумагу об отставке, и в тот же вечер комната наполняется тревожной позолотой заката — словно свет прощается с ним раньше, чем сама жизнь. Иван Петрович перебирает дневники покойной жены, гладит равнодушного кота и сжигает ненаписанные признания — пока в его дверь не стучится бывший ученик, преуспевающий и глубоко несчастный. Но о чём можно спросить того, кто сам уже почти стал воспоминанием?

© Конюшенко Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Рассказ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Егор Конюшенко

Блеклый Закат

Рассказ

В комнате пахло застарелым табаком, пылью и тем особенным, чуть сладковатым запахом, какой бывает в жилищах старых холостяков, где давно не открывали форточек. Иван Петрович Соколов сидел у окна и держал лист казённой бумаги. Он прочёл его трижды, хотя смысл был ясен с первых строк: «...вследствие выхода за штат... причитающееся жалованье за два месяца... с надлежащим уважением...»

За окном садилось солнце. Огромный, рыжий, налитой предвечерней тяжестью диск медленно оседал за пыльные тополя, и от этого комната на минуту наполнялась тревожной, как бы прощальной позолотой. Эта минута всегда напоминала Ивану Петровичу о чём-то несбывшемся, об ушедшем безвозвратно, и он обычно старался не смотреть на закат. Но сегодня смотрел.

Он перевёл взгляд на свои руки — желтоватые, в старческих веснушках, с набухшими синими жилами, — и подумал, что в гимназии, верно, уже нашёлся учитель помоложе. Кто-нибудь с громким голосом и новеньким учебником словесности, где про модернистов пишут без прежней насмешки. «Ну и пусть, — сказал он себе и даже пошевелил губами, будто споря с невидимым оппонентом. — Двадцать семь лет — это всё-таки срок».

В глубине души, однако, не было ни облегчения, ни примирения, а только тупая, сосущая пустота, как бывает после несправедливой брани. Чтобы чем-то занять руки, он придвинул стопку старых тетрадей, перевязанных выцветшей шёлковой ленточкой. Тетради были покойной жены, Анны Григорьевны. Она преподавала музыку и вела дневник прилежно, мелким, почти бисерным почерком. Иван Петрович открыл одну наугад. На пожелтевшей странице стояло: «Сегодня играли с Ив. П. в четыре руки. Он всё сбивался с такта, но милый, милый...» И дальше рисунок — крошечный цветок, похожий на маргаритку.

Он вздохнул и оглядел комнату — тесную, заставленную вещами, каждая из которых была памятна и ненужна одновременно. Фигус в углу, разросшийся за годы так, что листья упёрлись в потолок. Шкафчик с нотами, где всё ещё стояли её духи. По стенам, на обоях с мелкими незабудками, расплзались сырые пятна. Всё здесь словно существовало в ожидании кого-то, кто уже никогда не войдёт.

Кот, рыжий, под стать закатному солнцу, спал на подоконнике, свернувшись в клубок. Звали его просто Кот, потому что Анна Григорьевна, когда принесла его с улицы худым и облезлым, так и не подобрала ему благородного имени, а после её смерти и вовсе стало всё равно. Иван Петрович потянулся к нему и провёл ладонью по мягкой, мурлыкающей шерсти. Кот тотчас приоткрыл один глаз, зевнул и, выпустив на мгновение коготки, снова замер в полудрёме.

— Вот и остались мы с тобой за штатом, брат, — произнёс Иван Петрович шёпотом, словно боясь разбудить не кота, а то зыбкое, почти неосязаемое присутствие прошлого, что ещё держалось в этих стенах.

Он попытался придумать, чем занять завтрашний день. Можно было разобрать наконец чулан или написать письмо в Харьков, где доживал век сослуживец ещё по первым годам, но стоило только вообразить утро, в которое не нужно идти в гимназию, как всё это — чулан, Харьков, даже сам Кот — показалось ему бесконечно чуждым и далёким, точно он смотрел на свою жизнь через залитое дождём стекло.

Закат между тем догорал. Тени в комнате сгустились и стали сизыми, как чернила на дне непролитой чернильницы. Иван Петрович машинально взял из стопки последнюю тетрадь, самую тоненькую. Это были не её дневники, а его старый конспект по поэтике, с заголовком «О сущности трагического». Он полистал, усмехнулся, встретив какого-то безымянного ученика, нарисовавшего на полях рожицу в цилиндре, и закрыл тетрадь. Страницы сухо шуршали, как осенние листья.

Луч солнца на мгновение задержался на портрете жены, висевшем над пианино, осветил её молоджавое, серьёзное лицо с чуть приподнятыми уголками губ, — и погас. Иван Петрович вздрогнул, как будто кто-то тронул его за плечо. В комнате стало темно и тихо, только Кот громко мурлыкал в своей рыжей дреме, не понимая и не нуждаясь в понимании, — живое, тёплое, равнодушное ко всякой поэтике существо.

На следующий день Иван Петрович отправился на кладбище.

Кладбище было старое, заросшее сиренью и бузиной, с покосившимися крестами и мрачными ангелами, у которых дожди и время отбили носы и пальцы. Иван Петрович шёл медленно, неся в руке небольшой букетик анютиных глазок — Анна Григорьевна любила именно такие, простые, словно бы деревенские цветы, хотя сама была женщиной городской и утончённой. Дорожка, посыпанная жёлтым песком, петляла меж оград, и в воздухе стоял тот особенный кладбищенский запах — смесь нагретой зелени, сырой земли и ладана, доносящегося откуда-то со стороны церкви.

Могила жены находилась в дальнем углу, под старой липой. Иван Петрович постоял молча, поправил лампадку, смахнул с памятника налипшие липовые лепестки. На сером камне было выбито: «Анна Григорьевна Соколова, рожд. 1848 — сконч. 1901. Господи, прими с миром». Он всякий раз, читая эти слова, испытывал странное чувство, будто между ним и надписью стоит кто-то третий, и этот третий — он сам, каким был одиннадцать лет назад, когда заказывал гравировку. Тогда он ещё плакал. Теперь слёз не было, а было только глухое, привычное сознание невозвратимости.

— Здравствуйте, Иван Петрович, — раздался позади негромкий, чуть надтреснутый голос.

Он обернулся. Перед ним стояла Марья Васильевна, бывшая классная дама, а ныне вдова коллежского асессора. Она держала в руках маленький зонтик от солнца, хотя солнце уже клонилось к закату, и одета была во всё тёмное, как и подобало её положению. Лицо её, когда-то миловидное, теперь осунулось и покрылось сеткой мелких морщин, но глаза смотрели по-прежнему живо и участливо.

— Марья Васильевна, — поклонился Иван Петрович. — Не ожидал. Вы к супругу?

— К нему, голубчику. Уже пять лет как, — она перекрестилась и вздохнула. — А вы, стало быть, к Анне Григорьевне. Хорошая была женщина, царствие небесное. Я её до сих пор вспоминаю — всё, бывало, напевала что-то, когда по коридору шла.

Иван Петрович кивнул. Они помолчали. Ветер шевелил ветки липы, и тени скользили по памятнику, отчего буквы то проступали яснее, то почти исчезали.

— Ну, как вы нынче? — спросила Марья Васильевна, поправляя вуалетку. — Слышала, вы теперь на покое. Оно и к лучшему, право. Отдохнёте.

— Да, — сказал Иван Петрович и тут же подумал, что от чего, собственно, отдыхать, когда и так вся жизнь прошла в полупокое, без больших страстей и больших бед. — Уволили за штат. Теперь вот... гуляю.

Он слабо улыбнулся, и улыбка вышла какая-то виноватая, точно он извинялся за то, что его уволили, и за то, что гуляет.

— А кстати, — Марья Васильевна вдруг оживилась и даже тронула его за рукав, — вы знаете, кого я давеча встретила? Андрея Львовича, помните такого? Ваш ученик, из выпуска девяносто какого-то года. Теперь доктор, представьте, в Петербурге практикует, а сюда приехал

по каким-то наследственным делам. О вас спрашивал. «Что, говорит, Иван Петрович? Здоров ли? Не нуждается ли в чём?» Очень, очень интересовался.

Иван Петрович почувствовал, как к щекам прилила кровь, и поспешил нахмуриться, чтобы скрыть это внезапное, почти детское смущение. Андрей Львович. Андрюша Рогов. Он помнил его худеньким, востроглазым гимназистом с вечно испачканными чернилами пальцами, который с жадностью слушал его уроки словесности и однажды даже написал сочинение о лермонтовском «Демоне» — путаное, восторженное, но такое живое, что Иван Петрович поставил пятёрку с тремя плюсами, чем вызвал пересуды в учительской. И вот теперь — доктор, Петербург, спрашивает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.